

ляров и в данном случае соответствует продолжительности княжения Романа Мстиславича, занимавшего новгородский стол два с половиной года.

Печати Романа Мстиславича (1168—1170 гг.) очень близки печатям Мстислава Давидовича (1184—1187 гг.). И на тех, и на других борисоглебский сюжет сочетается с изображением св. Феодора. Неизбежным повторением сюжетов, на наш взгляд, и обусловлены различия этих двух сфрагистических разновидностей. Мстислав Давидович был вынужден оставить на своей булле изображение только Глеба-Давида, чтобы его буллы не смешивали с существовавшей до него печатью Романа Мстиславича.

Нам остается разобраться в принадлежности всех трех разновидностей булл с изображением только Бориса и Глеба и одной печати киевского происхождения с изображением святых Бориса, Глеба и Феодора.

Отметим прежде всего теснейшую взаимосвязь всех трех разновидностей булл с изображением только Бориса и Глеба. Первая разновидность такой печати зарегистрирована сохранившейся в виде аргировула при так называемом экземпляре D Смоленского договора с Ригой и Готским берегом 1229 г.²⁰ Вторая разновидность известна в двух экземплярах, один из которых (аргировул) сохранился при экземпляре K того же договора²¹, а другой (моливдовул) найден при случайных обстоятельствах где-то в пределах б. Тверской губ.²² Наконец, третья разновидность, представленная единственным экземпляром новгородского происхождения, замечательна тем, что она оттиснута теми же матрицами, что и печати второй разновидности, но до того, как эти матрицы были подправлены перегравировкой надписей²³. Опираясь на отмеченную взаимосвязь разновидностей, мы должны отыскивать владельцев этих печатей в одном месте, а именно в Смоленске, на который указывают печати, сохранившиеся при подлинных документах.

²⁰ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 25—26; «Смоленские грамоты XIII—XIV веков». Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963, стр. 59.

²¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 26—28; «Смоленские грамоты», стр. 16—17.

²² А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. «Труды Московского пумизматического общества», т. 3. М., 1903, табл. 2, 2.

²³ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXIX, 1. В нашем своде упоминаемые разновидности имеют следующую нумерацию: 1-я — № 220, 2-я — № 219, 3-я — № 218.

Связь печатей с документами, разумеется, в значительной степени облегчает задачу их датировки. Однако сама проблема датировки различных редакций Смоленской Правды чрезвычайно сложна. Более того, после специального исследования печатей Смоленской Правды, предпринятого Н. П. Лихачевым, в основу бытующих ныне датировок положены его сфрагистические наблюдения, которые, однако, кажутся нам противоречивыми.

При датировке экземпляра К Смоленской Правды Н. П. Лихачев вслед за П. В. Голубовским пришел к выводу, что этот документ относится ко времени Всеволода Мстиславича, княжение которого в Смоленске началось в 1239 г. Основой для такого вывода послужила фраза документа: «како то было при моемъ отци, при Мьстиславе при Романовици, и при моемъ брате, при Мьстиславе...»²⁴ Поскольку у Мстислава Романовича не было сына Мстислава, П. В. Голубовский и Н. П. Лихачев придерживаются правильного, на наш взгляд, предположения, что речь здесь идет о каком-то сыне Мстислава Романовича, княжившем в Смоленске и называвшем братом своего предшественника князя Мстислава, вкладывая в термин «брат» значение, присущее понятию «наша братия князья».

В самом деле, после Мстислава Романовича, княжившего в Смоленске в 1197—1214 гг., смоленский стол около 1228—1230 гг. занимал Мстислав Давидович, его двоюродный брат, бывший сверстником его сыновей. Признав, таким образом, что цитированное место не противоречит атрибуции документа какому-либо из сыновей Мстислава Романовича, П. В. Голубовский указывает на Всеволода Мстиславича, смоленское княжение которого, начавшееся в 1239 г., документально засвидетельствовано²⁵. Н. П. Лихачев отмечает, что отсюда этого князя в крещении звали Борисом и что сам «князь Всеволод мог носить имя Давида-Глеба»²⁶. Этих соображений оказалось достаточно для того, чтобы признать привешенную к документу печать с изображением святых Бориса и Глеба буллой Всеволода Мстиславича. Однако мы уже видели, что в действительности этого князя звали Петром. Значит, экземпляр К не может быть связан с его именем.

Следует отметить, что недавно — на иных основаниях — были высказаны сомнения в принадлежности экземпляра К Всеволоду

²⁴ «Смоленские грамоты», стр. 13.

²⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 200; т. VII, стр. 144.

²⁶ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 26.